

— Генерал! — услышав доносившийся со всех сторон всё более и более громкий и преувеличенный смех, Тао Чи был готов буквально зарыдать.

Ему казалось, что их генерал изменился, стал совсем не таким, как прежде.

Раньше генерал всегда был строг и требователен, порою даже до бесчувственности суров, но теперь он явно выказывал кому-то предвзятость и покрывал его.

Многие в последнее время только об этом и шептались в армии, все всё видели.

— Почему генерал так благоволит и потакает ему? — чем больше Тао Чи думал об этом, тем сильнее скорбел. Человека, стоявшего перед ним, он уважал и превозносил, испытывая к нему едва ли не благоговейный трепет.

Стоило Тао Чи высказать всё это, как вокруг мгновенно воцарилась тишина — смеявшиеся до этого люди вмиг замолкли. Речи Тао Чи можно было назвать верхом дерзости.

Закончив говорить, Тао Чи и сам понял, что перешёл границы, и его лицо мгновенно побелело, когда он опустился на колени.

— Когда это я ему потакал и выказывал предвзятость? — Генерал в Маске Призрака отложил в сторону донесения.

В этот момент Тао Чи словно забросили в ледяной погреб, его прошибла дрожь.

— Он всего лишь избалованный сопляк, недостойный занимать столь важную должность в армии, однако генерал поставил его заведовать финансистами! — спина Тао Чи леденела, но он упрямо продолжал: — С историей о нефритовом кольце то же самое.

— Генерал, Тао Чи не хотел вас оскорбить, — остальные невольно последовали его примеру и тоже опустились на колени. Они были в хороших отношениях с Тао Чи и вовсе не хотели, чтобы тот поплатился за это суровым наказанием.

Человек под маской не торопился. Его леденящий взгляд скользнул по стоящим перед ним подчинённым, и лишь когда у всех сердца рухнули на самое дно, он неторопливо произнёс:

— Вы все считаете, что он не справляется со своей службой?

Никто из военачальников не осмелился ответить, они хранили лишь угрюмое молчание.

Всего в приграничной армии насчитывалось около семидесяти-восемидесяти тысяч человек —

это составляло большую часть всех солдат Да Юй. Ради защиты Да Юй и своих родных домов за спиной, они вели ожесточенные кровопролитные бои на этой линии фронта.

Хотя должность заведующего финансистами и не предполагала прямого столкновения с врагом, для огромной армии это было делом первостепенной важности.

Не говоря уже о жаловании для солдат, если бы вдруг возникла заминка с оружием или продовольствием, десятки тысяч воинов не смогли бы голыми руками отражать острые клинки или воевать с пустыми желудками.

Сам Сюй Цзюнь был знаком многим: с первого взгляда в нём угадывался изнеженный юный господин, о котором дома заботились изо всех сил. Хотя они и не испытывали к нему такого открытого отторжения, как Тао Чи, большинство всё же не одобряло подобного решения.

Генерал в Маске Призрака снова окинул взглядом подчинённых, но на этот раз его глаза смотрели ещё холоднее.

Он швырнул на землю перед ними те самые документы, которые читал с самого начала.

В том отчёте наберется едва ли с десятков страниц — тонкая стопка при падении даже не издала звука.

— Это отчёт за первую половину года, который я велел ему переделать. Сами посмотрите, — холодно произнёс тот, кто скрывался за маской.

Военачальники переглянулись. Тао Чи первым опустился на колени, подобрал бумаги и развернул их.

Все они были помощниками генерала, каждый отвечал за свой участок приграничной обороны. И хотя вся полнота власти принадлежала Генералу в Маске Призрака, с подобными делами им доводилось сталкиваться регулярно.

Особенно во время ежегодных проверок — бухгалтерские книги сначала проверял каждый из них лично, и лишь потом они отправлялись наверх.

На первый взгляд дело казалось простым, но для таких людей, как они, половина этой работы была сущим кошмаром.

Приграничные воины были бесстрашными героями, способными сокрушить любого врага, но далеко не каждый из них умел обращаться с пером и бумагой; примерно половина из них откровенно страшилась подобных задач.

И на каждую проверку уходило не меньше десятка дней кропотливой сверки всех счетов, из-за чего в те периоды войны испытывали дичайшие муки — это утомляло куда сильнее, чем выход на поле боя.

Теперь же, глядя на эти тоненькие листочки и услышав, что перед ними — отчёт за целое полугодие, все невольно изумились. Ведь, по их воспоминаниям, полугодовые отчёты всегда насчитывали добрые несколько десятков толстых томов.

Когда страницы были развёрнуты, на лицах некоторых застыло недоумение, но кое-кто уже начал улавливать суть.

— Что это за ерунда? — не удержался от вопроса Тао Чи, хотя эти листки показались ему до боли знакомыми.

— Это статьи расходов, это подсчёты, а вот здесь, судя по всему, итоговая сумма... — начал говорить один из помощников генерала, который, кажется, разобрался в записях, и в его голосе прозвучало лёгкое волнение.

Он не знал, как человек, составлявший этот отчёт, додумался до подобного метода, но было совершенно очевидно: в этих нескольких тонких листах уместилось содержание прежних десятков книг, причём доходы и расходы просматривались с первого взгляда — всё стало намного понятнее и прозрачнее.

Если бы их армия перешла на подобную систему подсчётов немного раньше, многие дела, связанные с учётом, стали бы неизмеримо проще.

Особенно ежегодная проверка: используй они такой подход, всё можно было бы уладить за один день, и никому не пришлось бы страдать добрую половину месяца, как это бывало в прошлые годы.

— Генерал, это...

— На армейские должности всегда назначаются те, кто на это способен, — холодно отрезал человек под маской.

И пусть Сюй Цзюнь действительно был тем, о ком просил позаботиться Цзинь Ци, нефритовое кольцо он ему отдал вовсе не поэтому, а потому, что искренне верил в его способности.

Услышав слова Генерала в Маске Призрака, остальные умолкли и лишь молча опустили головы.

— Что же до кольца... Разве колодцы копаются неудачно?

Тао Чи лишился дар речи — те три колодца, выкопать которые приказал Сюй Цзюнь, уже давали воду, и сейчас там подходили к концу последние работы.

После этого напоминания он наконец окончательно узнал эти исписанные листки.

Тогда, после громкой ссоры с ним, Сюй Цзюнь притащил с собой блокнот и кисть, неотступно следовал за ним по пятам и время от времени что-то чиркал в своём блокноте.

В тот момент Тао Чи был невероятно зол: пока они гнули спины под палящим солнцем до седьмого пота, Сюй Цзюнь сидел в тенёчке под зонтом, а слуга обмахивал его веером.

Теперь же, осознав, что под палящим солнцем Сюй Цзюнь делал вовсе не праздные заметки, а вёл те самые финансовые расчёты, Тао Чи испытал крайне сложные чувства. И пусть выходы наглеца, прикрывавшегося чужим авторитетом, по-прежнему доводили его до зубного скрежета, возразить ему было больше нечего.

К тому же счетовод — это всё же не рядовой солдат, здесь действуют совсем другие мерки, а прежний бухгалтер и вовсе был глубоким стариком.

— Раз вопросов больше нет, все свободны.

— Есть, — воинам больше нечего было сказать. Они послушно собрали бумаги, положили их на стол и разошлись.

Стоило всем выйти, как у оставшегося в комнате мужчины пропало всякое желание продолжать просмотр документов. Вспомнив, как Сюй Цзюнь пользовался чужим покровительством, он невольно с улыбкой и лёгкой досадой покачал головой.

Он поднялся, вышел из палатки и направился к лужайке в тыловой части лагеря.

Ночью солдаты после умывания отдыхали и резвились в передней части лагеря, так что просторная площадка, обычно служившая для тренировок, выглядела несколько пустынной.

На простом травянистом поле веяло прохладным ночным ветерком — невероятно освежающим, — но из головы мужчины никак не шёл тот самый самоуверенный образ.

Пройдя ещё десяток шагов, он заметил у одной из стогов сена подозрительную крадущуюся фигуру.

Силуэт показался ему смутно знакомым. Генерал в Маске Призрака на мгновение замер, а затем лёгким шагом направился в ту сторону, стараясь не шуметь.

Приблизившись, он и вовсе замер на месте, не в силах сделать шаг.

Он не стал подавать голос, а просто встал за стогом сена и молча стал наблюдать. Человек, сидевший на корточках в сене, бормотал что-то вроде кушай больше, но, оглядевшись по сторонам, генерал понял, что рядом с ним никого нет.

Постояв так ещё немного, человек в сене наконец заметил его присутствие.

Усыпанный соломинками Сюй Цзюнь вынырнул из стога:

— Генерал.

— Что это? — спросил Генерал в Маске Призрака.

— Ничего, — Сюй Цзюнь с видом воришки, которого поймали с поличным, торопливо отмахнулся от соломы за спиной, пытаясь что-то заслонить.

Но от его движений у самых ног слышалась возня, и в следующее мгновение к нему откатились два круглых комочка.

Генерал в Маске Призрака опустил взгляд и сразу узнал двух кроликов.

— В лагере запрещено держать живность, — он посмотрел то на пару пушистых зверьков, то на стоявшего перед ним юношу, и на мгновение ему показалось, будто перед ним сидят ровно три кролика.

Хотя в армии не существовало подобного правила, стоило ему взглянуть на этого человека, как слова сами сорвались с языка.

— Они очень послушные, — Сюй Цзюнь наклонился, подхватил обоих кроликов по одному в каждую руку и поднял вверх.

Увидев, что собеседник молчит, Сюй Цзюнь занервничал.

Он поспешно протянул руку с кроликами вперёд, почти ткнув мягкие мордочки в маску генерала:

— Смотрите, они действительно очень послушные, совсем не кусаются!

Человек за маской опустил взгляд на пушистого малыша, который вцепился зубами в его маску, а затем на стоявшего так близко к нему юношу, и, слегка оцепенел, прежде чем неловко

отвести руку Сюй Цзюня в сторону.

— Всё равно здесь нельзя их держать.

Этот наглец действительно ни капли его не боялся.

— Почему? — Сюй Цзюнь надул губы.

— Правила.

— Правила устанавливают люди, к тому же в армейском уставе об этом ни слова! — он всё давным-давно проверил.

Пойманный на лжи человек за маской на мгновение замешкался:

— Всё равно нельзя.

— Почему?

— Я сказал — нельзя.

Похоже, Сюй Цзюнь никак не ожидал услышать столь абсурдную и властную логику и от удивления широко распахнул глаза.

Человек под маской сохранял непроницаемое выражение лица, пытаясь изобразить непоколебимый генеральский авторитет, но стоило ему ещё хоть немного посмотреть на растревоженного, защищающего своего питомца большого кролика перед собой, как все его усилия пошли прахом. Сердце дрогнуло, и слова сорвались с языка прежде, чем он успел их обдумать:

— Впрочем... содержать их всё-таки можно.

Услышав это, большие уши только что приунывшего и опустившего голову кролика-Сюй Цзюня мгновенно встали торчком.

Генерал протянул руку и под ошарашенным и полным надежд взглядом юноши выудил из его рук одного кролика, после чего нагло присвоил его себе:

— Этот достаётся мне.

Столкнувшись с таким проявлением ультимативной несправедливости, Сюй Цзюнь вытаращил глаза ещё сильнее. Он с сомнением уставился на похищенного пушистика, да так напряжённо, что его длинные уши, казалось, готовы были завязаться узлом.

Генерал не дал ему ни единого шанса на возражение и зашагал прочь, прихватив зверька. Отойдя на приличное расстояние, он внезапно поймал себя на том, что на его губах играет непроизвольная улыбка, и, слегка поморщившись, пальцем ткнул в животик барахтающегося в его руке крольчонка.

Он никогда в жизни не держал домашних животных, а теперь вот так просто взял и отобрал чужого. Что же ему теперь с ним делать?

Глядя на мягкое создание, он невольно снова вспомнил лицо Сюй Цзюня, и неведь почему поддавшись странному порыву, поднёс кролика к самому лицу...

Лишь когда кролик забился от соприкосновения с холодной маской, он отпрянул, словно от удара током. Озираясь по сторонам с видом человека, застигнутого врасплох, грозный и невозмутимый генерал в один миг растерял всю свою солидность и, спешно прихватив кролика, с видом триумфатора пулей вмчался в свою комнату.

<http://bllate.org/book/26286/3148313>